

Алекс Бор

Последний бой Рубена Сальдивара

*Часть сборника
Русская фантастика – 2016
(сборник)*

Алекс Бор

Последний бой Рубена Сальдивара

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бор А.

Последний бой Рубена Сальдивара / А. Бор — «Эксмо», 2016

«...Вечером нам сообщили, что завтра на нас двинутся совсем свежие немецкие части. Вместе с русскими... Да, случилось так, что Россия, которая начинала войну вместе с Антантой, неожиданно переметнулась на сторону Германии. Еще в феврале в Петербурге произошла революция, была свергнута монархия, а в конце октября случился новый переворот, к власти пришли какие-то bolshevikі, которые разорвали договор с Антантой и вступили в союз с Германией. И теперь революционная армия русских – Красная Гвардия – вместе с немцами и австрийцами теснит на всех фронтах англичан, французов и американцев. И завтра с утра русский вал накатит на нас...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бор А., 2016
© Эксмо, 2016

Алекс Бор

Последний бой Рубена Сальдивара

...на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте без перемен».
Эрих-Мария Ремарк

Вот уже две недели мы сидим в окопах на окраине этого французского городка, название которого давно уже выветрилось из памяти.

Каждый день нас пытаются смешать с землей ураганным артиллерийским огнем и непрерывными атаками – но мы, как ни странно, держимся. Иногда даже пытаемся контратаковать – но нас останавливают немецкие пулеметы, и обратно возвращаются не все. Однако кровавый молох войны неустанно поставляет в наши ряды все новых и новых новобранцев, многие из которых еще не нюхали пороха и плохо понимают, куда они попали.

Позавчера к нам пришли пять мальчиков – чуть постарше меня. Их глаза горели, они рвались в бой...

А сегодня они остались лежать на пригорке у сосны – она растет как раз посередине между нашими позициями и окопами противника...

За две недели не осталось почти никого, с кем я делил позицию в самом начале, когда нас бросили закрыть брешь в обороне этого городка... el diablo, как же он называется?

Вокруг меня каждый день умирают люди – однако я по-прежнему жив.

Я жив, потому что не могу умереть – я должен вернуться домой.

Вернуться, чтобы рассказать, что такое война.

Рассказать, что на войне нет никакой романтики.

Что война – это грязь, боль и смерть.

Я жив и даже сыт – еду нам подвозят регулярно, что не скажешь о снарядах, патронах и сигаретах. Я раньше не курил, если не считать детского баловства. И даже, попав на войну, я не сразу изменил свои мирные привычки: получая паек, отдавал сигареты товарищам – чем очень их радовал.

Они устало улыбались, хлопали меня по плечу – и тут же затягивались с такой радостью, словно табак был для них самым главным в жизни.

Но не минуло и недели, как я понял, что прожить без курева на войне нельзя. Можно сойти с ума, если не продерешь сухое горло крепким табаком.

Когда я перестал отдавать свой сигаретный паек, мои товарищи восприняли это с философским спокойствием, никто ни словом не упрекнул меня, однако я почувствовал, что если бы все оставалось по-прежнему, они не бросали бы на меня такие взгляды... Нет, не косые... Я бы сказал, что они смотрели на меня с жалостью. Точно такой взгляд был у отца, когда я огорошил его известием, что уплываю на войну в Европу.

Мои боевые товарищи – а в окопах, под вражеским огнем, мы все товарищи, иначе и быть не может, – наверное, до сих пор считают меня ребенком, хотя я воюю уже два месяца. А если считать учебную роту – то четыре.

Это очень большой срок, чтобы избавиться от некоторых иллюзий...

Два месяца в грязи и сырости, под пулями, под обстрелом.

Два месяца рядом со смертью, которая каждый день забирает кого-то из тех, с кем еще утром ты делил хлеб.

Уводит, не разбирая, кто солдат, кто офицер, кто молодой, а кто уже почти старик.

Но – повторюсь – мне везет: я ни разу не был ранен, хотя у меня на глазах от людей оставались кровавые ошметки. Месиво из кишок и костей, оторванные руки и ноги. Желе из

размозженных голов... Я навсегда запомнил свой первый бой, когда смерть прошла совсем рядом со мной, оглушив близким взрывом. На лицо брызнуло что-то горячее и склизкое, залепив глаза и нос. Машинально вытерев лицо, я увидел, что пулеметчик, которому я подносил ленту, валяется на дне окопа. Несколько долгих мгновений я смотрел на того, кто только что говорил мне, что нельзя бояться обстрела, потому что смерть любит трусов... И лишь стерев с лица липкую субстанцию, я увидел, что у моего боевого товарища, имени которого я не успел запомнить, нет головы, и земля вокруг заляпана красным и грязно-желтым... И такой же грязно-желтый у меня рукав гимнастерки, которым я вытер лицо... Дальнейшее я помнил плохо – меня выворачивало и корежило, хотя желудок исторг из себя все содержимое сразу, как только я осознал, чем было перемазано мое лицо...

Удивительно, как я при этом не разделил участь своего несчастного товарища – пули вокруг жужжали, как рассерженный пчелиный рой.

И снаряды тоже вздымали фонтаны земли почти рядом.

Судьбе было угодно, чтобы мой первый бой не стал последним.

А еще, наверное, меня спас оберег – круглый серый камешек на прочной шелковой нитке, который повесила мне на шею мать.

Она не хотела, чтобы я ушел на эту войну, которая гремела в далекой Европе. И отец тоже – но он хотя бы не плакал и не пытался меня отговорить. Только угрюмо сверлил взглядом пол и шумно вздыхал.

А мама плакала...

Но я, как всегда, был непреклонен. Мне уже полгода как исполнилось шестнадцать, и я давно считал себя взрослым.

И полагал, что мое место сейчас там, где вот уже три года решается судьба всего мира.

Мое место было среди героев, которые делали историю.

Я хотел стоять рядом с ними, плечом к плечу.

Мои родители и на этот раз не хотели меня понять, а объяснять им что-либо было бесполезно.

Они забыли, кем они были еще двадцать пять лет назад.

Они предали идеалы своей юности, в которые свято верили, когда были чуть старше меня.

Мои мама и папа, как вы сейчас далеко!..

Между нами – необъятный океан.

Но я обязательно его переплыву, чтобы обнять вас.

Я не знаю, когда, но я к вам вернусь.

Я вернусь...

Мои родители, Белисарио Батиста Палермо и Кармела Сальвадор Гонсалес, когда-то тоже были солдатами.

Они сражались за свободу своей страны.

Вместе с армией генерала Масео они прошли всю Кубу с востока на запад, выбивая из городов ненавистных испанцев.

Мои родители были героями Освободительной войны.

Они и познакомились на той войне.

А когда война закончилась и испанцы навсегда покинули наш прекрасный остров, они решили, что всегда будут вместе.

Поженившись, они купили небольшой домик на окраине Велитаса – местечка недалеко от городка Банес.

Там я и появился на свет 16 января 1901 года...

Родители долго спорили, как меня назвать. Мать хотела, чтобы я носил имя Рубен – так звали ее деда, который в поисках лучшей жизни приехал на Кубу из далекого Китая.

Лучшей жизни он здесь не нашел – работал от зари до зари на испанца-плантатора. Однако в Китай не вернулся. И я его понимаю – Китай давно уже не та великая Поднебесная империя, которой в древности принадлежала половина мира, он давно уже поделен между сильными соседями, а также европейцами, и жизнь там очень тяжела.

Она нелегка и на Кубе, где хорошо живут только сахарозаводчики и плантаторы, однако мне хочется верить, что когда европейская война закончится и наступит мир, многое изменится.

И на Кубе, и в Европе, и Китае.

Если будет иначе, то это значит, что все зря, что миллионы людей погибли на этой бойне напрасно.

Мать хотела дать мне имя Рубен, а отец, который, похоже, не очень желал моего появления на свет, потому что наотрез отказался давать мне свою фамилию – Батиста, настаивал на имени Фульхенсио.

Он даже пригрозил матери, что перестанет с ней жить и разведется, если та будет перечить ему, но моя мать была непреклонна: только Рубен!

Я не знаю, как долго они бодались, два солдата Освободительной войны, но в итоге у меня двойное имя: Рубен Фульхенсио.

И одна фамилия: Сальдивар.

Я не раз пытался спросить у отца, почему он не хочет давать мне свою фамилию, но он всегда уходил от ответа.

И лишь однажды сказал: «Давай не будем ворошить прошлое, сынок. Ты наш сын, а остальное совсем не важно».

Я тогда не понял, что он сказал, – а сейчас мне предельно ясно, что мой отец сомневался в том, что...

Что он мой отец.

Возможно, у него были причины для сомнений.

Но я не имею права ни в чем обвинять свою мать, даже если она действительно когда-то согрешила.

Я знаю только одно: я – сын Белисарио Батисты и Кармелы Сальдивар.

Сын героев войны за независимость Кубы.

Я, Рубен Фульхенсио Сальдивар.

У меня сейчас только фамилия матери, но я очень хочу, чтобы к ней была присоединена фамилия отца.

Когда я вернусь домой, я смогу найти слова, которые убедят моего непреклонного отца дать мне его фамилию.

И тогда я буду зваться Рубен Фульхенсио Сальдивар-и-Батиста.

Но для этого я должен вернуться.

И я вернусь!

Я вернусь!

Наша семья никогда не жила богато. Я работал с ранних лет – помогал отцу убирать сахарный тростник, а с 10 лет отвозил его на ближайший заводик. Владел им янки, у которого был взгляд профессионального карточного шулера, и это врезалось в мою детскую память настолько, что у меня до сих пор перед глазами стоит его хитрый прищур.

Я, как и мои родители, не любил нахрапистых североамериканцев. На Кубе их многие не любили, справедливо считая, что янки помогали нам в войне с испанцами исключительно для того, чтобы самим занять их место.

Иногда я слышал, как мой отец говорил, понизив голос, что если бы сейчас у народа появился новый вождь – наподобие Хосе Марти или Антонио Масео, который призвал бы подняться на борьбу за освобождение Кубы от незваных гостей с севера, то он, не раздумывая, достал бы из подвала свою старую винтовку и вступил в ряды новой повстанческой армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.